

**КОГДА МАГИЯ ЦИФР НЕ РАБОТАЕТ...
Рец. на кн.: МИРОНОВ Б.Н. УПРАВЛЕНИЕ ЭТНИЧЕСКИМ
МНОГООБРАЗИЕМ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ.**

СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. 640 с.

Яков Анатольевич Лазарев

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина
Екатеринбург, Россия
9lazarev@gmail.ru

Марина Тазабаявна Накишова

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина
Екатеринбург, Россия
m-nakishova@mail.ru

Аннотация: Рецензируемая книга известного российского историка Б.Н. Миронова акцентирует внимание на проблемах этноконфессиональной политики в России XVIII — начала XX в. Основные задачи монографии — проанализировать влияние географического фактора на историю России в целом, а также реконструировать и оценить принципы и методы этноконфессиональной политики, направленной на включение и интеграцию этнического многообразия в общеимперское пространство. В рецензии ставится вопрос о невозможности реконструировать российскую политику в отношении этнического многообразия и взаимоотношения абстрактного «государства» и абстрактных «местных элит», опираясь на статистику конца XIX в.. На примере политики в отношении украинских территорий показывается спорность концептуальных построений Миронова, воспроизводящих дискуссионные положения украинского национального нарратива.

Ключевые слова: этническое многообразие, Российская империя, Левобережная Украина, социальная история, имперская история.

Благодарности: Работа подготовлена в рамках выполнения госзадания Министерства науки и высшего образования по теме «Региональная идентичность России: компаративные историко-филологические исследования» № FEUZ-2020-0056.

Для ссылок: Лазарев Я., Накишова М. Когда магия цифр не работает... Рец. на кн.: Миронов Б.Н. Управление этническим многообразием Российской империи. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. 640 с. // Антропологический форум. 2021. № 48. С. 213–226.

doi: 10.31250/1815-8870-2021-17-48-213-226

URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/048/lazarev_nakishova.pdf

**WHEN THE MAGIC OF NUMBERS DOES NOT WORK...:
A Review of B. N. MIRONOV, UPRAVLENIE ETNICHESKIM
MNOGOOBRAZIEM ROSSIYSKOY IMPERII
[MANAGING THE ETHNIC DIVERSITY OF THE RUSSIAN EMPIRE].**

St Petersburg: Dmitry Bulanin, 2017, 640 pp.

Yakov Lazarev

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
19 Myra Str., Yekaterinburg, Russia
9lazarev@gmail.ru

Marina Nakishova

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
19 Myra Str., Yekaterinburg, Russia
m-nakishova@mail.ru

Abstract: The reviewed book of the famous Russian historian B. N. Mironov focuses on the problems of ethno-confessional policy in Russia of the 18th to early 20th centuries. The primary aim of the monograph is to analyze the influence and role of geographical factors on the history of Russia as a whole, as well as to reconstruct and evaluate the principles and methods of ethno-confessional policy aimed at the inclusion and integration of ethnic diversity in the general imperial space. The review highlights the issue of the impossibility of reconstructing the Russian policy on ethnic diversity through the prism of statistics of the late 19th century, and the relationship between the abstract “state” and abstract “local elites”. The example of the policy towards Ukrainian territories shows the controversial conceptual constructions of Mironov, which reproduced the discussion provisions of the Ukrainian national narrative.

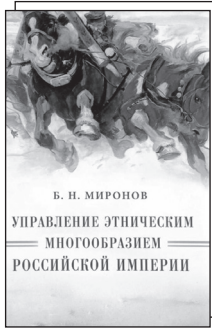

Key words: ethnic diversity, The Russian Empire, Hetmanat, social history, imperial history.

To cite: Lazarev Ya., Nakishova M., 'Kogda magia tsifr ne rabotaet... [When the Magic of Numbers Does Not Work...]: A Review of B. N. Mironov, Upravlenie etnicheskim mnogoobraziem Rossiyskoy imperii [Managing the Ethnic Diversity of the Russian Empire]. St Petersburg: Dmitry Bulanin, 2017, 640 pp.', *Antropologicheskij forum*, 2021, no. 48, pp. 213–226.

doi: 10.31250/1815-8870-2021-17-48-213-226

URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/048/lazarev_nakishova.pdf

Рец. на кн.: **Миронов Б.Н.** *Управление этническим многообразием Российской империи.*
СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. 640 с.

Рецензируемая книга известного российского историка Б.Н. Мирнова акцентирует внимание на проблемах этноконфессиональной политики в России XVIII — начала XX в. Основные задачи монографии — проанализировать влияние географического фактора на историю России в целом, а также реконструировать и оценить принципы и методы этноконфессиональной политики, направленной на включение и интеграцию этнического многообразия в общеимперское пространство. В рецензии ставится вопрос о возможности реконструировать российскую политику в отношении этнического многообразия и взаимоотношения абстрактного «государства» и абстрактных «местных элит», опираясь на статистику конца XIX в.. На примере политики в отношении украинских территорий показывается спорность концептуальных построений Мирнова, воспроизводящих дискуссионные положения украинского национального нарратива.

Ключевые слова: этническое многообразие, Российская империя, Левобережная Украина, социальная история, имперская история.

Когда магия цифр не работает...

Выход в 1992 г. книги австрийского историка Андреаса Каппелера “Rußland als Vielvölkerreich: Entstehung. Geschichte. Zerfall” [Kappeler 1992]¹ стал вехой в мировой историографии. Ею был задан тренд на изучение и осмысление в исторической перспективе опыта государственного строительства *империй*, что позволило бы преодолеть негативные интерпретации национальных нарративов и произвести переоценку национальных феноменов. Для Каппелера было важно показать *полиэтничность* Российской империи, т.е. то, что существенный вклад в развитие и расширение государства внесли различные этносы, входившие в его состав. Этот, казалось бы, очевидный сегодня момент на концептуальном (идеологическом) уровне русскими историками XIX в., писавшими свою национальную историю, игнорировался или затирался. Также Каппелер делал ту важную оговорку, что источники по истории империи, происходящие из *центра*, всегда тенденциозно окрашены,

Яков Анатольевич Лазарев

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия
9lazarev@gmail.ru

Марина Тазабаевна Накишова

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия
m-nakishova@mail.ru

¹ Русский перевод вышел в 1997 г.

а теоретические модели и работы по колониальному господству европейских стран могут быть использованы для объяснения некоторых аспектов развития Российской империи. С российской стороны ответом на научный вызов Каппелера стали интеллектуальные проекты рубежа 1990–2000-х гг. под руководством Алексея Миллера («новая история империй») и редакцией журнала «Ab Imperio» («новая имперская история»). Заметную конкуренцию им составил фундаментальный двухтомный труд Бориса Миронова «Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.)» [Миронов 1999]¹.

Появление нового концептуального нарратива стало важным событием в российской и зарубежной историографии. Однако отзывы зарубежных и отечественных исследователей имперской проблематики показали, что к работе Б.Н. Миронова были серьезные вопросы по поводу особенностей осмысления России в качестве полиэтничной / поликонфессиональной империи. Например, в своей обстоятельной рецензии Уиллард Сандерленд отметил, что Миронов начал свою книгу (первая глава первого тома) с выбора концептуально важного исследовательского ракурса [Sunderland 2001]. Так, Миронов полагал, что эффективная и стабильная государственная система российского государства выстраивалась под влиянием таких ключевых факторов, как региональные, этнические и конфессиональные различия. Однако довольно быстро этот «объект анализа», «кристаллизованный» на паре десятков страниц, растворялся, подобно Чеширскому коту, в бесчисленной статистике, так или иначе связанной с историей «русского этноса», точнее «России в империи Романовых». Согласно Сандерленду, при всем изобилии материала Миронов не уделил должного внимания категориям и понятиям, использовавшимся в управлении империей, анализу имперских идентичностей, взаимоотношениям русских с другими этническими / конфессиональными группами, которые, по сути дела, «исключались» из имперского пространства России [Sunderland 2001: 571]. На этих же проблемах акцентировал свое внимание и А.И. Миллер, замечая, что концептуальную часть двухтомника, посвященную полиэтничному аспекту развития России, «трудно отнести к числу удачных фрагментов работы» [Миллер 2006: 20–21]. Также Миллер аргументированно объяснил, что подобный этнизирующий формат изложения истории Российской империи подобен национальным нарративам, возникшим на пространствах бывшего СССР, характерными признаками которых являлись откровенная телеологичность, политическая ангажированность, сочетавшиеся с (не)осознанным примордиализмом. Это, в свою очередь, вряд

¹ К настоящему моменту данное исследование выдержало уже по меньшей мере три издания.

ли способствовало бы продуктивному анализу имперского опыта управления этническим многообразием [Миллер 2006: 20–21; Miller 2015: 309].

По прошествии десяти с лишним лет в 2017 г. Б.Н. Миронов опубликовал фундаментальную монографию «Управление этническим многообразием Российской империи». В ней он взял на себя амбициозную задачу показать, в чем заключалась суть «этнополитики» российского государства в отношении многочисленных этносов и как управление этим «этническим многообразием» способствовало защите и использованию «огромных природных богатств», а также эффективному менеджменту «огромной территории» и поддержанию ее целостности. По сравнению с прошлыми работами Миронова тематика этнического разнообразия оказалась в центре внимания исследователя: ей было посвящено не несколько десятков, а несколько сотен страниц, поделенных на четыре главы с «Введением» и «Заключением» и содержавших наглядный статистический материал. В конце книги приводится обширный список использованных исследований. Внешне все указывает на то, что дискуссии, развернувшиеся вокруг прежнего гранд-нарратива Миронова, принесли свои научные плоды. К сожалению, содержание рецензируемой монографии говорит об обратном.

По большому счету «Управление этническим многообразием...» является своеобразной реинкарнацией «Социальной истории», которая так и не ушла от обозначенных выше проблем. Социологическая схема, раскрывающая авторское понимание специфики управления этническим многообразием Российской империи, представлена в первой и третьей главах монографии (С. 11–55, 118–338), которые практически дословно повторяют начало первого тома «Социальной истории» [Миронов 2003: 19–64]. Только теперь речь идет не о «Территориальной экспансии и ее последствиях», а о «Возникновении полиэтничной империи», вместо разделов «Расширение территории и рост населения», «Роль подвижной границы в истории России и США», «Результаты территориальной экспансии» — «Колонизация и ее факторы», «Фронтальный подход к изучению колонизации», «Результаты колонизации» соответственно. Другой раздел этой же главы «Социальной истории» — «Влияние географического и демографического факторов на социальное и экономическое развитие» — превратился в расширенном виде во вторую главу рецензируемой монографии (С. 56–117). Параграфы раздела «Возникновение многонациональной империи и национального вопроса» «Социальной истории» в расширенном виде трансформировались в разделы третьей главы (С. 140–182, 232–300). В том же духе были подновлены и некоторые таблицы. Определенной новацией стала четвертая глава моно-

графии «Еврейская диаспора в имперский, советский и пост-советский периоды» (С. 339–421), которая выходит за хронологические рамки предыдущего исследования.

Содержание второй главы рецензируемой монографии («Роль географического фактора в истории России», с. 56–117) дополнительно убеждает внимательного читателя в том, что исследователь глубоко застрял в прошлом, попав в своеобразную интеллектуальную колею. Если в одном из последующих изданий «Социальной истории» Миронов старался суммировать актуальную критику своей работы и тезисно отвечал своим оппонентам [Миронов 2003: 15–40], то в «Управлении этническим многообразием» в качестве мишени для критики он выбирает наиболее «удобные» для этой работы. Например, для иллюстрации недостатков в современной историографии, связанных с преувеличением роли географического фактора (среды) в формировании России как империи, Миронов выбирает работу Ричарда Пайпса «Россия при старом режиме» [Пайпс 2012 (1974)], давно сданную в научный «архив» и не имеющую серьезного влияния в современной российской историографии. Собственно, это подтверждают и ссылки Миронова на малоизвестные работы по большей части рубежа 1990–2000-х¹ (С. 467). Продолжателем «дела» Пайпса, по мысли Миронова, стал покойный Л.В. Милов (С. 66–73). Однако наибольшее удивление вызывает то, что столько же места было уделено разбору концепции публициста А.П. Паршева о неконкурентоспособности российской экономики (С. 100–110). Работы Паршева второй половины 1990-х — начала 2000-х гг., подобно книгам В. Суворова по истории ВОВ, сначала вызвали определенный интерес в научной среде, а затем были благополучно забыты. В результате становится не очень понятно включение подобных разборов для понимания уровня актуальной историографии, касающейся этнической ситуации в Российской империи и связанной с ней управленческой политики.

Определенная надежда у авторов настоящей рецензии изначально была связана с параграфом «Кто виноват: климат или институты?» (С. 86–92), в котором, по идее, должен был быть поднят вопрос о региональных особенностях «социальных институтов» Российской империи и их влиянии на управление этническим многообразием. После рассуждений о роли климатического фактора Миронов начинает данный раздел с поясне-

---

¹ Стоит отметить, что в число актуальных сторонников схем Пайпса-Милова Мироновым был записан покойный историк Н.И. Павленко с его биографией Петра Великого 1990 г. (С. 70, 467), в которой нет ни одной ссылки на этих авторов [Павленко 1990: 40]. По этой причине видеть в работе Павленко влияние социологических схем Пайпса-Милова, мягко скажем, очень большая натяжка.

ния: «Социальные институты, стандарты поведения и трудовая этика также имели региональные особенности». Увы, вместо анализа этих «региональных особенностей» читателю предлагаются рассуждения о степени распространенности крепостного права, по поводу урожайности и плодородия почв великороссийских губерний и роли передельной общины. По сути дела, перед нами продолжение дискуссии с покойным Л.В. Миловым, что Миронов и не скрывает (С. 86, 89, 92).

Третья глава монографии Миронова посвящена собственно управлению этническим многообразием. В ней автор раскрывает, на каких принципах зиждилась «этноконфессиональная политика» Российской империи, позволившая до 1917 г. поддерживать целостность огромного пространства, которое формировалось из автономных, присоединенных и колонизированных территорий, населенных многочисленными народами. Основной текст главы предваряет обстоятельное историографическое введение (С. 118–140), в котором выделяются два неравномерных блока: первый касается анализа методологических наработок по теме «этничность и этническая культура», а во втором рассматриваются успехи российской и зарубежной историографии в сфере имперских исследований. В первом блоке Миронов знакомит читателя с многочисленными авторами, которых он группирует по «четырем основным подходам» — примордиализм, структурный функционализм, инструментализм и конструктивизм. Сам автор, не отдавая предпочтения ни одному из них, полагает их равнозначными и предлагает проверять их «в ходе исследования с помощью мысленного эксперимента» (С. 118–120). Во втором блоке автор выделяет наработки, сделанные редколлекцией серии «Окраины Российской империи» (А.И. Миллер, А.В. Ремнев и А. Рибер) и направленные на достижение концептуального консенсуса в понимании природы Российской империи. Персональной похвалы также удостоиваются Д. Ливен и снова А. Рибер по поводу понимания «экспансионизма» Российского государства (С. 121–138). Затем Миронов переходит к описанию конкретных аспектов российской этноконфессиональной политики, которую предлагает называть «политикой имперского этнопатернализма». С его точки зрения, ее гибкий характер и обеспечил «стабильность и сохранение единства полиэтнической Российской империи» (С. 182). Особенность данной главы состоит в том, что ее содержание слабо стыкуется с выводами о принципах управления. К ним автор относит: 1) предоставление «аннексированным территориям» прав «гражданских субъектов на равных с русскими основаниях»; 2) сохранение статус-кво присоединенных территорий, непрямого управления и широкой автономии (особенно на первых этапах интеграции); 3) «широ-

кое сотрудничество с местными элитами» ради «политической лояльности интегрируемых сообществ»; 4) толерантность, которая позволяла преодолеть «правовую дискриминацию по этническому и конфессиональному признаку»; 5) создание «некоторых» правовых преимуществ; 6) «гибкость, вариативность и прагматизм политики, пластичную адаптацию принципов к конкретным ситуациям» (С. 182). Подобные выводы предполагают, что в тексте проведен тщательный историко-социологический анализ правительственной политики начиная с середины XVII в., дана наглядная иллюстрация общих и отличных принципов управления разных регионов, выявлены точки перехода от одних практик управления к другим, показана реакция региональных сословных групп и эволюция их местных институтов.

Однако что мы видим на самом деле? Есть некое абстрактное правительство, логику которого должны иллюстрировать статистические выкладки по большей части позднего XIX в. (в очередной раз все сводится к тому, что за все благополучное многообразие империи расплачивался русский народ). С абстрактным правительством взаимодействуют не менее абстрактные местные элиты, которые как что-то само собой разумеющееся получают льготы по причине слабой «управленческой инфраструктуры», сохранявшейся вплоть до последней трети XIX в., когда начинается настоящая унификация империи (С. 192). При этом в качестве наглядного примера «процесса интеграции новых территорий в империю», опиравшегося на местные (промежуточные, переходные) институты, выступало включение Сибири и Дальнего Востока с присущим данным территориям переселением / освоением, ассимиляцией и т.д. На основании этого примера выстраиваются рассуждения о подлинном содержании развития России как империи (С. 150–151). Несомненно, опыт присоединения Сибири и Дальнего Востока — важная составляющая государственного строительства Российской империи. Однако насколько он был применим для других регионов?

С точки зрения Миронова, вполне применим, особенно когда речь идет о взаимоотношениях с «нерусскими» элитами («социальная ассимиляция»). Так, в качестве наглядной иллюстрации *социальной ассимиляции* выступает территория Левобережной Украины и ее *этническая элита*. В отмеченном небольшом сюжете проявились все основные недостатки работы Миронова, увлеченного исключительно магией цифр в ущерб анализу конкретной исторической ситуации. Автор пишет, что в обмен на сохранение своего привилегированного положения и имущественных прав украинская этническая элита (казацкая старшина) согласилась «на положение Украины как провинции», а затем, получив искомое, «слилась с российской поли-

тической элитой ценой утраты, в существенной степени, своей этнической идентичности [sic!])» (С. 160–161). Последнее являлось маркером «слабого развития сепаратизма на Украине». Далее автор констатирует, что «Россия пошла на унификацию сословного статуса» казацкой элиты с русским дворянством только во второй половине XVIII в., «после упразднения политической автономии» региона. Последнее «не соответствовало желанием той части украинской элиты, которая мечтала о сохранении суверенитета или хотя бы автономии и потому всегда испытывала недовольство и ностальгию по утраченному политическому статусу» (С. 154, 161). О ком шла речь и какова была судьба этой части элиты, в монографии не упоминается. Известно, что политическая автономия Левобережной Украины была ликвидирована в 1764 г. вместе с отменой гетманства. В этой связи читателю остается только гадать, какая политика велась в отношении Левобережной Украины и какие там происходили социально-политические процессы в период трех царствований (начиная с Елизаветы Петровны). После этого Миронов безапелляционно утверждает, что имевшиеся на Украине «центробежные силы» (по большей части из «интеллигенции демократического направления») «подпитывались политикой имперских властей, игнорировавших культурные различия между двумя народами и традиционными моделями их государственности» (С. 161). Увы, к самому важному тезису, который не совсем вписывался в авторскую концепцию, не приводится какой-либо конкретики. По ссылкам автора на дискуссионные работы классика украинской диаспорной историографии З.Е. Когута и российского историка Т.Г. Таировой-Яковлевой становятся понятны интеллектуальные истоки украинского сюжета.

В свою монографию Миронов попытался инкорпорировать украинский национальный нарратив, для которого до сих пор характерна откровенная телеологичность. Последнее подкрепляется историографическими «фейками», которые появились еще в первой половине XIX в. в анонимных политических памфлетах («Замечания, до Малой России принадлежащая», «История русов») или сочинениях историков-любителей (И.И. Квитка, Н.А. Маркевич и др.) и продолжают некритически транслироваться в историографии. В результате сохраняются домыслы о политике российского правительства (особенно в правление Петра I), направленной на превращение Украины в рядовую «провинцию» империи, уничтожение автономии, культурную и политическую сегрегацию и раскол элиты. Подобные упрощения можно объяснить тем, что вне внимания Миронова оказался актуальный пласт современных дискуссий по поводу российско-украинских отношений XVII–XVIII вв. Особенно это каса-

ется наметившегося ревизионизма в современной украинской историографии (О.И. Журба, В.В. Ададуrow), который фокусируется на критике «пустых» социологических понятий (например, абстрактных «патриотов-автономистов» и не менее абстрактной политики *имперского центра*, см.: [Лазарев 2020]).

Только имеющиеся историографические наработки показывают, что для российского правительства украинская автономия перестала вписываться в концепцию развития государства лишь с приходом к власти Екатерины II, имевшей свои «просвещенные» взгляды на имперское многообразие. При этом по объективным показателям, составлявшим основу автономии (эффективность военных мобилизаций), особый статус Левобережной Украины должен был быть ликвидирован значительно раньше [Киселев, Лазарев 2019а; 2019б]. Последнему во многом препятствовало доверие казацкой элите, укреплявшееся благодаря ее неформальным связям с российской правящей элитой (особенно при Елизавете Петровне). По этой причине для российской правящей элиты казацкая верхушка не выглядела чужой или менее благородной. Более того, в период правления Петра III казацкое государство достигло апогея своего развития, имея все шансы превратиться в наследственную политику. Следовательно, наличие в политической системе такой важной переменной, как монарх и его личные взгляды, в сочетании со сложившимися неформальными связями и индивидуальными выборами конкретных акторов позволяли сохранять украинскую автономию вопреки социальному расслоению и неэффективной военной мобилизации.

В свою очередь, отказ от казацкой (не этнической) идентичности происходил не в результате политического торга или репрессивной политики, а при приобщении к более актуальной культуре имперских столиц, формируя «наднациональную» и космополитичную сословную общность имперского *дворянства* [Лазарев 2020]. Помимо этого, делая акцент на диалоге элит, Миронов упускает, что в построении непрямого контроля российское правительство долгое время опиралось на другие сословные группы (прежде всего городские корпорации), которые не видели себя частью навязываемого казацкого проекта государственности¹. В этой связи возникает очень важная методологическая проблема — насколько вообще применимо прилагательное «этнический» и его производные для анализа политики российского правительства в отношении подобных территорий с особым статусом и их элит. Скорее речь шла о сословной, административной и мобилизационной политике

---

¹ Подробный разбор данной проблематики и историографии по теме см.: [Lazarev 2016; Кочегаров 2018; Лазарев 2020].

в отношении конкретных сословных групп на территории с особым статусом. Эти группы не были связаны внутри по принципу «воображаемых сообществ», а исходили из ценности своих прав, жалованных сувереном. Соответственно более уместно говорить не столько об этничном, сколько о региональном разнообразии, гетерогенности политического пространства империи. Как нам видится, в работе Миронова при недостатке историографической проработки ключевых подтем произошло досадное смешение разных дискурсов, актуальных в определенных социально-политических контекстах, — дискурсов лояльности, сословности, Просвещения и нациестроительства. Ведь для того чтобы говорить об «этническом многообразии» и управлении им, надо изобрести сами этносы и провести определенную операцию культурного различения, которая нашла бы свое отражение в политической сфере как политика в отношении условных украинцев, а не сословных групп со своими отличными интересами. Вместо этого мы наблюдаем классическое государство «старого порядка» с его иерархией сословности и спецификой выстраивания отношений с монархом. При этом та политико-культурная общность, которая могла бы сложиться в гетманство К.Г. Разумовского, носила бы строго сословный и космополитичный (имперский) характер.

Как справедливо отмечает сам Миронов, рост российского государства находил свое прямое выражение в полном царском (императорском) титуле (С. 141). В титуле перечислялись земли, а не этносы / народы, составлявшие политическое тело Российской империи. Эти земли находились в ее составе на разных правовых основаниях, что также справедливо признает автор. Однако эти правовые основания представляли собой различные жалованные грамоты на *права и обязанности* конкретных сословных групп (корпораций) региона, чьи социальные границы постепенно закрывались в результате процессов внутреннего социального расслоения. Отношения с этими корпорациями строились по принципу их лояльности престолу как *подданных* и довольно утилитарным образом. Это хорошо видно на примере служилых корпораций Юго-Запада России. Их права были зависимы от мобилизационной эффективности в контексте геополитической конкуренции, когда на практике подтверждалась необходимость поддержания особого статуса, в том числе вплоть до распада империи в 1917 г. (например, Войско Донское) [Киселев, Лазарев 2019а]. В данном контексте для казацких элит, показавших себя менее эффективными в проведении военных мобилизаций и поддержании боеготовности казачества, инкорпорация в состав единственного привилегированного сословия империи (дворянства) была единственным способом избежать попадания в податное сословие.

С правления Екатерины II дискурсы лояльности и сословности начинают заметно видоизменяться под действием дискурса Просвещения. Итогом этих процессов стало очень важное различие — подданные империи должны управляться на одинаковых разумных основаниях, что во многом подразумевало ликвидацию прежних правовых норм и сословных групп и создание новых, а основу управления империи составили государственные институты во главе с просвещенными космополитами (дворянами), находившимися на вершине «иерархии разумности». И только с началом эпохи национализма (рубеж XVIII–XIX вв.) с ее «визуализацией» многочисленных народов и их культурных особенностей, борьбой национальных проектов за «свою» территорию и историю происходит своеобразная этнизация / идеализация настоящего и прошлого, что вряд ли способствует пониманию России как империи до XIX в. [Вишленкова 2011].

Наши наблюдения мы построили только на одном украинском примере. Как показывают наблюдения А.Т. Урушадзе, к концепции Миронова есть ряд критических замечаний по поводу ее релевантности для кавказского материала [Урушадзе 2019: 14]. При этом еще остаются другие не менее важные и плохо изученные регионы, находившиеся на особом положении (например, Прибалтика). Неслучайно А.И. Миллер включил исследование Миронова в число «больших нарративов империи и нации в истории России», которые не смогли успешно преодолеть телеологичность национальных нарративов, «безраздельно доминировавших в XIX — первой половине XX в.» [Миллер 2018: 24].

Действительно, как показывает наш опыт, именно методологические тупики до сих пор актуальных национальных нарративов (вопреки их критике) мешают построению новых обобщающих концептуальных нарративов, превращая амбициозные проекты в еще один факт историографии, не ушедший далеко от уровня романтизированной исторической науки первой половины XIX в. (например, недавние курсы «Новая имперская история Северной Евразии» журнала “*Ab imperio*” или «Истории Украины» Т.Г. Таировой-Яковлевой) [Миллер 2018: 19]. К сожалению, такую судьбу рискует повторить и рецензируемая работа, которая по своему содержанию и концептуальному значению не ушла дальше «Социальной истории...» 1999 г., сыгравшей очень важную роль в научных дискуссиях рубежа 1990–2000-х гг. Соответственно остается открытым вопрос о создании релевантной социологической модели для управления региональным разнообразием, которое позволяло долгое время поддерживать целостность российского государства как обширной гетерогенной территории.

Благодарности

Работа подготовлена в рамках выполнения госзадания Министерства науки и высшего образования по теме «Региональная идентичность России: компаративные историко-филологические исследования» № FEUZ-2020-0056.

Библиография

- Вишленкова Е.А.* Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому». М.: НЛО, 2011. 384 с.
- Киселев М.А., Лазарев Я.А.* Военно-служилые корпорации Юго-Запада и мобилизационная политика российского правительства в 1740-е — начале 1760-х гг. // *Славянский альманах*. М.: Индрик, 2019а. Вып. 3–4. С. 81–106.
- Киселев М.А., Лазарев Я.А.* «Поелику де в Малой России нет дворян»? статус украинского «шляхетства» в Российской империи середины XVIII в. и роль неформальных связей К. Г. Разумовского // *Новое прошлое = The New Past*. 2019б. № 2. С. 116–133.
- Кочегаров К.А.* Гетман Иван Мазепа и русское правительство в 1706–1708 годах: к дискуссии о причинах разрыва // *Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки*. 2018. № 3 (92). С. 13–25.
- Лазарев Я.А.* Культурные механизмы интеграции украинской казачьей элиты в общеимперское дворянство // *Quaestio Rossica*. 2020. Т. 8. № 1. С. 270–282.
- Миллер А.И.* Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования. М.: НЛО, 2006. 248 с.
- Миллер А.И.* Где и какую модернизацию стоит искать в истории России? // *Российская история*. 2018. № 3. С. 19–25.
- Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): В 2 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 1. 549 с.
- Павленко Н.И.* Петр Великий. М.: Мысль, 1990. 591 с.
- Пайнс Р.* Россия при старом режиме. М.: Захаров, 2012. 478 с.
- Урушадзе А.Т.* Что такое Россия? Разнообразие как способ описания Российской империи // *Новое прошлое / New Past*. 2019. № 2. С. 8–16.
- Kappeler A.* Russland als Vielvölkerreich: Entstehung. Geschichte. Zerfall. München: Beck, 1992. 395 S.
- Lazarev Ya. A.* Bifurcations, Discontinuities and the “Russian Trace” in the Construction of the Ukrainian Nation // *Quaestio Rossica*. Vol. 4. 2016. No. 2. P. 276–289.
- Miller A.I.* The Romanov Empire and the Russian Nation // *Miller A., Berger S. (eds.). Nationalizing Empires*. Budapest; N.Y.: Central European University Press, 2015. P. 309–368.
- Sunderland W.* Empire in Boris Mironov’s Sotsial’naia istoriia Rossii // *Slavic Review*. 2001. Vol. 60. No. 3. P. 571–578. doi: 10.2307/2696818.

Яков Лазарев, Марина Накишова

When the Magic of Numbers Does Not Work...: A Review of B. N. Mironov, *Upravlenie etnicheskim mnogoobraziem Rossiyskoy imperii* [Managing the Ethnic Diversity of the Russian Empire]. St Petersburg: Dmitry Bulanin, 2017, 640 pp.

Yakov Lazarev

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
19 Myra Str., Yekaterinburg, Russia
9lazarev@gmail.ru

Marina Nakishova

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
19 Myra Str., Yekaterinburg, Russia
m-nakishova@mail.ru

The reviewed book of the famous Russian historian B. N. Mironov focuses on the problems of ethno-confessional policy in Russia of the 18th to early 20th centuries. The primary aim of the monograph is to analyze the influence and role of geographical factors on the history of Russia as a whole, as well as to reconstruct and evaluate the principles and methods of ethno-confessional policy aimed at the inclusion and integration of ethnic diversity in the general imperial space. The review highlights the issue of the impossibility of reconstructing the Russian policy on ethnic diversity through the prism of statistics of the late 19th century, and the relationship between the abstract “state” and abstract “local elites”. The example of the policy towards Ukrainian territories shows the controversial conceptual constructions of Mironov, which reproduced the discussion provisions of the Ukrainian national narrative.

Keywords: ethnic diversity, The Russian Empire, Hetmanat, social history, imperial history.

Acknowledgements

This article was prepared within the framework of the state project of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation No. FEUZ-2020-0056 “Regional Identity of Russia: Comparative Historical and Philological Studies”.

References

Kappeler A., *Russland als Vielvölkerreich: Entstehung. Geschichte. Zerfall*. München: Beck, 1992, 395 SS.

- Kiselev M. A., Lazarev Ya. A., “Poeliku de v Maloj Rossii net dvoryan”?: Status ukrainskogo “shlyakhetstva” v Rossiyskoy imperii serediny XVIII v. i rol neformalnykh svyazey K. G. Razumovskogo’ [“Are There Nobles in Little Russia”? Status of the Ukrainian “shlyakhetstvo” in the Russian Empire in the Middle of the 18th Century and the Role of Informal Relations of K. G. Razumovsky], *Novoe proshloe = The New Past*, 2019, no. 2, pp. 116–133. (In Russian).
- Kiselev M. A., Lazarev Ya. A., ‘Voenno-sluzhilye korporatsii Yugo-Zapada i mobilizatsionnaya politika rossiyskogo pravitelstva v 1740-e — nachale 1760-kh gg.’ [The Geopolitical Competition, Military Service Corporations of the Southwest and the Mobilization Policy of the Russian Government in the 1740s — early 1760s], *Slavyanskiy almanakh*, 2019, vol. 3–4, pp. 81–106. (In Russian).
- Kochegarov K. A., ‘Getman Ivan Mazepa i russkoe pravitelstvo v 1706–1708 godakh: k diskussii o prichinakh razryva’ [Hetman Ivan Mazepa and the Russian Government in 1706–1708: Debates about the Breach Causes], *Vestnik Rossiyskogo fonda fundamentalnykh issledovaniy. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2018, no. 3 (92), pp. 13–25. (In Russian).
- Lazarev Ya. A., ‘Bifurcations, Discontinuities and the “Russian Trace” in the Construction of the Ukrainian Nation’, *Quaestio Rossica*, 2016, vol. 4, no. 2, pp. 276–289.
- Lazarev Ya. A., ‘Kulturnye mekhanizmy integratsii ukrainskoy kazatskoy elity v obshcheimperskoe dvoryanstvo’ [Cultural Mechanisms of Integrating the Ukrainian Cossack Elite into the Imperial Nobility], *Quaestio Rossica*, 2020, vol. 8, no. 1, pp. 270–282. (In Russian).
- Miller A. I., ‘Gde i kakuyu modernizatsiyu stoit iskat v istorii Rossii?’ [What Kind of Modernization Should We Look for in Russian History?], *Rossiyskaya istoriya*, 2018, no. 3, pp. 19–25. (In Russian).
- Miller A. I., *Imperiya Romanovykh i natsionalizm: esse po metodologii istoricheskogo issledovaniya* [The Romanov Empire and Nationalism. Essays in the Methodology of Historical Research]. Moscow: NLO, 2006, 248 pp. (In Russian).
- Miller A. I., ‘The Romanov Empire and the Russian Nation’, Miller A., Berger S. (eds.), *Nationalizing Empires*. Budapest; New York: Central European University Press, 2015, 309–368 pp.
- Mironov B. N., *Sotsialnaya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII — nachalo XX v.)* [The Social History of Imperial Russia (from the XVIII century to the beginning of the XX century)]: In 2 vols. St Petersburg: Dmitry Bulanin, 2003, vol. 1, 549 pp. (In Russian).
- Pavlenko N. I., *Petr Velikiy* [Peter The Great]. Moscow: Mysl, 1990, 591 pp. (In Russian).
- Pipes R., *Russia under the Old Regime*. New York: Charles Scribner’s Sons, 1974, 440 pp.
- Sunderland W., ‘Empire in Boris Mironov’s Sotsial’naia istoriia Rossii’, *Slavic Review*, 2001, vol. 60, no. 3, pp. 571–578. doi: 10.2307/2696818.
- Urushadze A. T., ‘Chto takoe Rossiya? Raznoobrazie kak sposob opisaniya Rossiyskoy imperii’ [What is Russia? Diversity as a Way of Describing the Russian Empire], *Novoe proshloe / New Past*, 2019, no. 2, pp. 8–16. (In Russian).

Vishlenkova E. V., *Vizualnoe narodovedenie imperii, ili "Uvidet russkogo dano ne kazhdomu"* [Visual Ethnology of the Russian Empire or "Not Everyone Is Able to See the Russian"]. Moscow: NLO, 2011, 384 pp. (In Russian).